

Глава 14. Заботы

В начале второго года старшей школы классы перераспределили. Пятый «Б» переехал в просторный кабинет в самом конце коридора, а следом за ним, по цепочке, растянулись шестой и седьмой.

Ли Хуэю теперь стало совсем просто заглядывать к Лу Юньпину на перекур: не нужно было даже бегать по этажам. Он перестал передавать весточки через знакомых и просто заходил за другом; иногда Юньпин сам ждал его в коридоре.

Если Ли Хуэю перепало что-то стоящее, они звали с собой Ли Ши. Тот хоть и слыл парнем простоватым, но в хороших вещах толк знал — особенно обожал мягкую «Чуньхуа». У Ли Хуэя она в последнее время водилась постоянно, правда, распиханная по самым разным пачкам. Лу Юньпин в конце концов не выдержал:

— Давно хотел спросить: почему у тебя курево вечно врассыпную? Из одной коробки достаёшь то одно, то другое.

Ли Хуэй, склонив голову, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся.

— Если хотел, чего не спрашивал?

«Да потому что тогда я тебя за главаря бандитов держал, страшно было», — подумал Юньпин, а вслух сказал:

— Так мы же каждый раз курим, будто ворует. Пару раз затянулся — и бежать, пока не поймали. Тут не до этикеток, забываешь обо всём.

Ли Хуэй лишь покосился на него, явно не поверив ни единому слову. Юньпин присел на корточки и бесцеремонно вырвал окурочек изо рта разомлевшего Ли Ши.

— А ты что скажешь?

Ли Ши попытался вернуть добычу:

— Чё говорить-то? Отдай быстро, сейчас звонок уже!

Лу Юньпин, привалившись к подоконнику, щелчком пальцев отправил окурочек «Чуньхуа» в полёт за окно. Ли Ши охнул и едва не кинулся следом.

— Ах ты гад! — взвыл он, в шутку нападавая на Юньпина. — Ну и сволочь! Там же ещё на одну

затяжку оставалось!

Лу Юньпин отбивался, не переставая язвить:

— Ты куришь или опиум сосёшь? Тоже мне, трагедия — «целая затяжка»! Гляньте на него, аж затрясся весь. Того и гляди пена изо рта пойдёт от ломки!

Ли Ши за словом в карман лезть не умел, так что просто костерил друга почём зря. Ли Хуэй поднялся и потёр переносицу:

— С вами двумя ни минуты покоя. Если после школы работу не найдёте, идите в Басяньань — будете там дуэтом на рынке народ смешить.

В ответ оба, как по команде, синхронно выставили средние пальцы.

На следующий день, коротая время в туалете, Юньпин снова допытывался у Ли Ши. Тот сидел с сигаретой в зубах, наслаждаясь моментом.

— Да это «подношения» Ли-гэ, — пояснил он. — Неужто не сообразил? А раз подношения, то и марки разные.

Ли Хуэй в школах Восточного района был фигурой заметной. Многие его знали, а при встрече считали своим долгом угостить сигареткой. «Подношения» — это Ли Ши, конечно, приукрасил для солидности. У школьников денег вечно в обрез, даже у тех, кто корчит из себя крутых, так что угощали обычно поштучно. Но Ли Хуэю стоило разок прогуляться около школы «Хуанхэ», как у него в кармане набиралась добрая половина пачки самого разного калибра. Сам он столько не выкуривал, вот и складывал всё в одну коробку, чтобы потом делиться с друзьями.

Юньпин только присвистнул:

— Интересно, что за богатея его каждый раз «Чуньхуа» снабжает?

Ли Ши пренебрежительно скривился:

— Дурак ты. Стал бы человек, который сам такое курит, кому-то отсыпать? Это сигареты Сяо Юй-гэ. Настоящая спецпоставка, без всяких упаковок. Я такие всего один раз в жизни видел.

Лу Юньпин, глядя на то, как Ли Ши важно качает головой, промолчал. Но когда в следующий раз Ли Хуэй протянул ему мягкую «Чуньхуа», он отмахнулся:

— Не, не хочу. Слишком уж они мягкие, не вставляются.

За эти слова Ли Ши ещё полгода называл его идиотом.

Был и другой повод для досады: Ван Синь тоже перешла в старшие классы и, похоже, не собиралась оставлять Ли Хуэя в покое. Она то и дело мелькала в коридорах, высматривая кого-то за поворотами. Наконец, как-то раз после уроков, они столкнулись в велопарковке нос к носу. Ван Синь, начитавшись приторных романов, выудила оттуда словечко, которое показалось ей ужасно изысканным:

— Старший... — позвала она сладким голосом.

Юньпин даже замер на месте от такой интонации. Ли Хуэй же прошагал мимо, будто не заметил. Ван Синь на секунду растерялась, но тут же припустила за ним со своим велосипедом.

— Старший!

Ли Хуэй наконец повернул голову и посмотрел на неё так, словно видел впервые:

— Это ты мне?

Ван Синь закивала:

— Я хотела извиниться за прошлый раз.

— За что именно?

— Ну... за то, что... — Девушка осеклась под его тяжёлым, ничего не выражающим взглядом.

— Если не можешь выговорить, то и не трать силы зря.

Ли Хуэй развернулся, чтобы уйти. Ван Синь в отчаянии рванулась, пытаясь схватить его за руку, но он инстинктивно отпрянул. Движение вышло резким: девушка, державшая руль одной рукой, потеряла равновесие и со всего маху повалилась на землю лицом вниз.

И Ли Хуэй, и Лу Юньпин опешили. Хуэй тут же бросил свой велосипед и кинулся помогать ей подняться.

Ван Синь, всегда считавшая себя чуть ли не принцессой, не могла вынести такого позора, да ещё и на глазах у всей школы. Оказавшись на ногах, она разрыдалась так горько, что у неё перехватило дыхание. Ли Хуэй утешать не умел — он просто стоял, неловко придерживая её за плечи. Со стороны это выглядело точь-в-точь как объятия. В окнах учебного корпуса тут же

показались «зрители»: кто-то заулюлюкал, кто-то зааплодировал или свистнул.

В школьном дворе в обеденный перерыв всегда толпа. Окружающие замерли, глаза на «сладкую парочку». Ван Синь, окончательно сгорев от стыда, зарылась лицом в грудь Ли Хуэя и зарыдала ещё громче. Тот стоял в полнейшей растерянности, вскинув руки и глазами умоляя Юньпина о помощи. Но Лу Юньпин в этот момент уже прокис, точно чан со старым уксусом: лицо его потемнело от ревности. Выручил друга только подоспевший школьный врач.

Слухи разлетелись мгновенно. Все решили, что они встречаются. Даже классные руководители вызывали их на беседы — мол, ведите себя прилично, думайте об учёбе. Ван Синь при любом упоминании Ли Хуэя теперь напускала на себя вид невинной и смущённой девы, а сам Хуэй зверел. Он крыл матом любого, кто совался с расспросами, а пару раз дело чуть не дошло до драки. Но окружающие лишь понимающе ухмылялись: «Смотрите, как парень стесняется!»

В конце концов, не выдержав осады, Ли Хуэй пропал на три дня. А когда вернулся, у него на поясе висело «супероружие» новой эпохи.

В те годы самым крутым средством связи был пейджер. Его называли по-разному: Би-би-си, Би-пи или просто «колл». Мальчишки от скуки часто звонили операторам на станции «126» или «127», просто чтобы поболтать с девушками. Сейчас эти устройства давно забыты, но тогда пейджер на ремне был обязательным атрибутом крутости.

Они делились на два типа: цифровые (показывали только номер) и текстовые (могли выводить иероглифы). Процедура была стандартной:

— Оператор, здравствуйте. На какой номер передать?

— На 21667.

— Как вас представить?

— Чэнь.

— Господин Чэнь, вам перезвонить или оставить сообщение?

— Сообщение. Передайте, что я его маму... в общем, повторите сто раз.

— Извините, такое нельзя.

— Ладно. Тогда напишите, что я жду его у ворот школы весь вечер. Пусть поторопится.

— Поняла: «Владельцу срочно подойти к воротам школы». Верно?

Случались и казусы. Ли Ши, например, долгое время на вопрос «Как вас представить?» важно отвечал: «Меня величать Ли». Эту историю друзья потом лет десять вспоминали за каждым застольем.

У Ли Хуэя была самая шикарная модель — «Моторола» с текстовым экраном. Она могла хранить кучу сообщений и стоила безумные по тем временам тысячу восемьсот юаней, да и то попробуй найди. Пейджер на поясе школьника производил эффект разорвавшейся бомбы. Хуэй понимал это, поэтому носил длинные рубашки навыпуск, и лишь случайно Юньпин заметил прибор.

— Твою мать! Это откуда у тебя?

Лу Юньпин выхватил устройство и принялся вертеть его в руках. Вспомнив слова Ли Ши про сигареты, он спросил:

— Это тоже «подношение»?

Ли Хуэй, привалившись к стене, посмотрел на него с нескрываемым презрением:

— Олух.

— Ладно, ладно, олух я. Так откуда вещь?

— Подарок на день рождения.

Юньпин раскрыл рот:

— А? У тебя был день рождения?

Ли Хуэй кивнул:

— Вчера.

— Восемнадцать? Совершеннолетие?

На лице Ли Хуэя впервые промелькнула тень гордости:

— Ага. Взрослый теперь.

Юньпин поглаживал блестящий корпус, всё ещё не веря своим глазам:

— И кто же у нас такие щедрые подарки делает?

Спросил — и тут же пожалел. Ли Хуэй с едва заметной улыбкой ответил:

— Брат.

Лу Юньпин не нашёлся что сказать. Он уткнулся в экран пейджера, лихорадочно нажимая на кнопки, пока не вызвал список входящих.

«Господин Чэнь: С днём рождения. Брат скучает по тебе».

Всего десять слов, но у Юньпина от них зарезало в глазах. Это не было обычным коротким уведомлением — видимо, отправитель специально просил оператора оформить сообщение именно так. Лу Юньпин продолжал машинально клацать кнопками, листая память устройства, но там, сколько он ни крутил, были только эти десять слов. Пейджер был пуст, в нём хранилось лишь одно-единственное сообщение.

<http://bllate.org/book/17478/1694786>